

Путешествие в Южную Америку (11 февраля – 12 апреля 2018 г.)

Новосибирск, 2019 г.

Пролог

Есть места на нашей планете одно название которых тревожит, манит и обещает. Патагония... И не страна, и не гора, и не река, а загадка. Судя по огромному количеству туристов со всего света, Патагония притягательна для многих, но для моего поколения россиян дополнительную волну добавляет Жюль Верн и его "Дети капитана Гранта". А еще был любимый фильм, где нам «песню пел веселый ветер», где лорд Гленарван был богат и отзывчив, а Паганель – смешон и благороден. Немыслимые сегодня комбинации качеств!

Понятно, что путешествие в Патагонию с самого начала было обременено для нас завышенными ожиданиями. Сегодня, когда я переписываю и переосмысливаю свои «путевые записки», когда путешествие состоялось и начинает стремительно превращаться в воспоминание, я рада сказать: «Все получилось!»

Добрый ветер

Мы стартовали из дома 11 февраля в 6 часов утра. Наш маршрут: Новосибирск – Москва – Амстердам – Буэнос-Айрес.

Самолет из Амстердама вылетал вечером, но по нашему времени это была уже глубокая ночь и я еле держалась на ногах. Прилетели мы в Буэнос-Айрес рано утром 12 февраля, но в Новосибирске этот день уже заканчивался. Я совершенно обалдела от этой смены часовых поясов и не могла по-настоящему поверить, что мы переместились на противоположную сторону Земли.

Когда-то город носил полное имя «Город Пресвятой Троицы и Порт нашей госпожи Святой Марии Добрых Ветров». Буэнос-Айрес буквально и переводится как «добрые ветра».

Гостиница наша - самая дешевая. Малюсенькая комната без окна, с тусклой лампочкой, но с душем и кондиционером. Убогость нашего жилища несколько не портит нашего прекрасного настроения. Город и его жители сразу вызывают симпатию.

Прямые длинные улицы пересекают друг друга под прямым углом. Часто улицы носят название других городов и стран. И это правильно. Если бы улицы носили имена революционеров и политиков, то, учитывая историю Аргентины, названия пришлось бы часто менять при превращении народного героя во врага народа и обратно. Мы жили на улице Франсиско Морено, знаменитого аргентинского ученого и путешественника, исследователя Патагонии.

У города европейское лицо. Широкие проспекты напоминают парижские бульвары. Здание с массивными колоннами заставит вспомнить римский Пантеон. Улицы так же «распахнуты» как в Вене. Но в этой похожести нет натуги и претензий. Город имеет свое лицо и свой запах. Запах старых дорогих вещей, которые бережно хранят в сундуке и иногда вынимают, чтобы проветрить и полюбоваться. Все немного обвешало. Иногда из стен домов или на крыше растут деревья. Тротуары довольно узкие, часто в рытвинах и колдобинах. Если два человека идут навстречу друг другу, то один притормаживает и пропускает того, кто старше. Благородное «Грасиас» порхает в воздухе.

Общий облик аргентинца не складывается. Лица на улицах самые разные. Может быть потому, что это страна эмигрантов. Но все-таки больше европейских лиц. Особенно привлекательны худые пожилые дамы с гордой осанкой и ворохом бус на шее.

Главный собор светиться теплым желтым светом и рождает простые человеческие чувства –

радость и приязнь. Никто не заставляет закрывать голые руки и ноги, трепетать и гордиться. В соборе хранятся останки генерала Хосе де Сан-Мартина, который освободил в 19 веке Аргентину, Чили и Перу от испанского владычества. Рядом со статуей генерала стоит почетный караул: два мальчика со шпагами и в национальной форме. Я думаю, что для народа очень важны такие простые и ясные символы.

Мавзолей на Красной площади и мумия в нем тоже служат яркими символами того духовного и нравственного неблагополучия, в котором пребывает моя страна.

На улицах города мало машин, нет пробок, автомобили не паркуются на тротуарах. Широкие проспекты имеют до 16 полос, 4 из них выделены под автобусы, которые несутся как торпеды. Посредине этого великолепия расположен еще и сквер. Город очень зеленый, дышится в нем легко и чувствуется близость океана.

На главной пешеходной улице меня поразило огромное количество людей на все лады поющих одно слово "камбиас". Причем у некоторых это получалось весьма музыкально. Оказалось, что это привлекают в свои сети менялы валют. Мы благоразумно совершили этот акт в банке.

Наш ужин состоял из аргентинского вина, сыра и авокадо. В малобюджетном варианте путешествия есть свои прелести.

На улице Каменито.

Встреча в районе Сан-Тельмо.

В первый день мы посетили два самых известных туристических объекта. Первое это кладбище Риколетто, а второе - художественный музей. Начну со второго.

Небольшое здание кирпичного цвета со скромными колоннами напоминало дом культуры где-нибудь в российской глубинке. Я и представить не могла, что музей будет так хорош и интересен.

Кроме основной экспозиции сегодня там "давали" испанского художника Хуана Миро. Аргентинцы очень гордятся своей небольшой, но содержательной коллекцией Родена. Кстати на площади Конгрессо сидит вдумчивый роденовский мыслитель. Одна из собственных копий автора. А что у нас стоит на Красной площади?

Роден очень знакомый, близкий и любимый друг. Встреча с ним для меня всегда радость. Миро я совсем мало знала, и это было интересное новое знакомство. Выставка сделана очень стильно. Народу много, но раздражающего ощущения «толпы» нет. Витает волшебный дух, объединяющий разных людей в их принятии настоящего искусства. Сразу повышается настроение и возникает чувство благодарности – верный признак того, что ты видишь что-то настоящее. Так как я плохо вижу, то я развлекалась, придумывая сама названия абстрактным картинам и скульптурам Миро.

Но самым интересным оказалась встреча с новыми картинами тех художников, которых я хорошо знаю. Например, чудесные картины Шагала, Модильяни. Я уже думала, что импрессионисты для меня совершенно потеряны. Но, вдруг, легко узнаваемые Дега, Моне, Ренуар предлагают картины, которые я никогда прежде не видела. Как будто человек, которого ты знаешь уже сорок лет и мало чего от него ждешь, взял и удивил новой интересной и глубокой мыслью. Очень мне было радостно.

Удивительно, что вход в музей совершенно бесплатный. Просто мощная воспитательная функция, а не коммерческий проект. Серега видит в этом аргентинское раздолбайство, а я глубокую и светлую идею.

Ничто так не отражает национальный характер как кладбище, или, более широко, отношение народа к смерти. В наших путешествиях я всегда интересуюсь этой стороной жизни. В Непале и в Индии души покидают одно тело, чтобы возродиться в другом. В России все как будто в чем-то виноваты перед умершими. В Европе – умиротворение и успокоение. Здесь – попытка поставить такую жирную точку в конце пути, чтобы вопрос о самом пути уже не стоял. И, конечно, показать, что и после смерти люди не равны. Говорить о художественных открытиях не приходится, тонких аллегорий я тоже не нашла. Совершенно в тупик меня поставил барельеф, где кто-то подливает масло в еврейскую менору. Ушли мы оттуда с некоторым облегчением.

Еще одно супер-туристическое место – прелестная маленькая улочка Каменито. Мы приехали туда рано утром, когда там не было еще ни одного туриста и мы могли посмаковать эту конфетку. Вечерами там танцуют аргентинское танго и пьют аргентинское вино, мы постараемся еще раз туда наведаться и посмотреть на это действо. На стенах домов, выкрашенных разноцветной краской расположились забавные барельефы. Из окон и балконов выглядывают гротескные фигуры. Все очень декоративно, но во всем есть жизнь, вкус, смех.

Район вокруг Каменито совершенно бандитский. Мы чуть-чуть отошли в сторону, но милейший местный житель с внешностью пирата остановил нас и настоятельно рекомендовал вернуться в туристическую зону.

В музее современного латиноамериканского искусства ALBA.

Потом мы совершили тур по паркам БА. Японский сад камней, "сад роз" и Ботанический сад. Все было замечательно. Подкачал только японский сад. Жестким регламентом и основательностью он не вписывается в общий расслабленный облик города. Кстати, это было единственное место, где за вход взяли деньги.

В 1932 году во время своего последнего визита в Берлин, мой отец долго стоял напротив аргентинского посольства и мучительно думал, возвращаться ли ему в Советскую Россию или податься в далекую Аргентину. Наконец он решился и открыл тяжелую дверь. Приветливый охранник сказал ему с сожалением, что посольство уже закрыто и посоветовал прийти на следующий день. Но у отца был билет на ночной поезд.

Я вдыхаю влажный "добрый ветер" и думаю, что могла бы родиться в Буэнос-Айресе. Правда я была бы совсем другая...

Водопад Игуасу

Приступаю к описанию нашего небольшого путешествия к водопаду Игуасу. Это было необыкновенно яркое трехдневное отступление от генерального плана.

Я давно заметила, что в путешествиях решительным образом меняется масштаб времени и пространства. Дома время несется вскачь. Недели, месяцы пролетают, не оставляя следа. Конечно, внешних событий мало, но ведь всегда есть возможность узнать что-то новое, о чем-то подумать. Но нет! Появляющиеся свободные минуты безжалостно убиваются. В путешествиях мы каждый день проживаем небольшую содержательную жизнь.

Поехать из Академгородка, где мы живем, в центр Новосибирска – целое событие. Вернувшись, чувствуешь себя уставшей и разбитой. Что уж говорить о поездке в Омск или Красноярск. Много лет мы не можем решиться съездить на Байкал.

От Буэнос-Айреса до Пуэрто-Игуасу 1277 км, 1,5 часа надо лететь на самолете. Но может ли это остановить двух сорвавшихся с катушек пенсионеров?

Мы оставили свои тяжелые рюкзаки в гостинице и с маленькой легкой сумкой рванули на три дня на север, к экватору, смотреть на самый знаменитый в мире водопад.

Городок Пуэрто-Игуасу жив своей близостью к водопаду. Каждый год это чудо света посещают примерно 2 млн. человек. Мне показалось, что большую часть туристов составляют аргентинцы и бразильцы. Иностранцев сравнительно мало (за исключением всепроникающих китайцев).

Водопад имеет две стороны – аргентинскую и бразильскую. Граница между государствами проходит по невзрачной реке Игуасу, которая ухитрилась родить мощнейший водопад. Так в обычной семье рождается вдруг гениальный ребенок, и никто не понимает, откуда что взялось. И в этом тайна Творения.

В первый день мы отправились на аргентинскую сторону. Отстояв огромные очереди в кассу и к турникетам, в плотной толпе, плечом к плечу с жаждущими Красоты, мы ввалились в национальный парк. Мое настроение резко шло вниз. Потом мы втиснулись в игрушечный поезд и поехали со скоростью среднего пешехода вглубь парка. Наконец мы вышли по тропу и минут пятнадцать были в блаженном одиночестве. Этого времени мне вполне хватило, чтобы гармонизировать свое внутреннее состояние. Остальные визитеры остались в поезде и поехали прямо в «Глотку Дьявола» – к основному блюду в этом ресторане.

Когда Сережа готовился к путешествию, он перечитал массу отчетов и пересмотрел все фотографии. Поэтому, я думаю, для него великолепие было ожидаемым. "Примерно так я себе это и представлял..." – мог бы он сказать. Стыдно сознаться, но я раньше ничего вообще не слышала о водопаде Игуасу. Я было пуста и открыта. Поэтому, когда перед моим взором развернулась эта уникальная водопадная панорама, я задохнулась, я не могла сдержать слез. Может быть это самое красивое, что я видела в своей жизни. Я почувствовала некоторое облегчение, что в кассу сдали по 25\$, иначе встал бы вопрос: кому и в какой валюте следует заплатить за эту Красоту.

Сначала мы прошли "нижней" тропой, потом поднялись повыше. Надо понимать, что то, что называют "водопад Игуасу" на самом деле сотни водопадов разной высоты, разной формы и даже разного цвета.

Мы вернулись к поезду и поехали смотреть самый знаменитый водопад, который называется "Глотка дьявола". Мне жаль, что название рождает ассоциацию с преисподней.

Мы шли довольно долго по железному мостику, который был проложен по реке. В этом месте она разливалась и была похожа на озеро. Немного беспокоил странный шум впереди и там как будто висел туман, хотя день был солнечный.

И вдруг!

Мостки закончились небольшой смотровой площадкой и прямо перед нами, фактически под ногами, ленивая река превратилась в дикого зверя, который с ревом и грохотом проваливается в бездну. Совершенно непередаваемое ощущение, что перед тобой живое страдающее существо.

Мы провели в парке целый день и, конечно, устали от солнца и впечатлений.

На второй день мы поехали на бразильскую сторону. Там только одна не очень длинная тропа. Но панорама складывается более гармоничная, завершенная. С этой стороны хорошо видны и вчерашние тропы. К "Глотке дьявола" можно подойти снизу. Мостки доходят почти до того места, где поток, обрушившись с неба, немного успокаивается. Но тайны здесь нет. Воздух наполнен водяной пылью. Мокро и холодно.

Современный информационный мир позволяет, не выходя из дома, увидеть все чудеса света.

При этом качество картинки будет весьма высокое. Зачем же тогда тратить время, силы, деньги и переться куда-то? Первое, что приходит в голову: на картинке в телевизоре не будет меня, любимого, моей уникальной, неповторимой, прекрасной физиономии. Поэтому основная цель всех страждущих на берегах Игуасы это селфи! Вдумчивых чудачков со штативами поразительно мало. Они, поставив свое фотооборудование в самых живописных местах, образуют заторы и вызывают недовольный ропот окружающих. У Сереги в такие минуты делалось растерянное и несчастное лицо, но он был тверд. Поскольку народ все-таки доброжелательный, то все соглашались немного подождать. Но, когда мой муж, наконец, отлипал от объектива, раздавался одобрителный свист и аплодисменты. К одной такой точке мы стояли в очереди два раза, потому, что выглянуло солнышко, и пейзаж изменился.

Водопады Игуасу.

На третий день мы опять поехали в Бразилию, в парк птиц. Парк сделан с большой любовью. Удобные дорожки. Почти настоящий тропический лес с экзотическими деревьями и цветами. Очень чисто.

Прекрасная идея – сделать такие огромные вольеры чтобы туда можно было запустить людей, и тогда между человеком и птицами нет мелкой решетки. Правда, надо все время следить, чтобы двуногие не нанесли вреда пернатым.

Забавно, что часто птицы сидят на своих помостах и жердочках спиной к зрителям, демонстрируя, как же им все надоело.

Особенно меня поразил вольер с огромными разноцветными попугаями. Они и летали, и кричали, и играли, и любезничали друг с другом. Очень смешно выглядели попытки некоторых людей вступить в диалог с надменными птицами.

Замечательной была птица – тукан – с огромным пластмассовым желтым клювом. В еврейской традиции есть специальное благословение на тот случай, когда ты видишь какое-нибудь особенно замысловатое животное. Тукан, безусловно, достоин такого благословения.

В парке птиц.

В парке мы наблюдали за поведением одного «милого» животного. Коати (или носуха) - небольшое животное из отряда енотов. Помесь лисицы, белки и крысы с характерным полосатым хвостом. Если не давать им подачки, то они ведут себя вполне миролюбиво. Но стоит дать им хотя бы кусочек, и они приходят в ярость. Мало! И тогда могут больно покусать. Такая модель поведения встречается и у людей. Такую же хамскую агрессию мы встречали у стай обезьян в Индии и Непале. Появляется новая популяция животных, которые живут рядом с человеком,

знают его слабости и возможности, но ненавидят и боятся его. Говорить о мирном сосуществовании человека и дикой природы не приходится.

Пытаюсь осмыслить эти три дня.

Человек существует в двух мирах. Один "толстый» материальный мир с постижимыми законами и понятными (но не всегда разумными и справедливыми) правилами. Другой - "тонкий" мир наших эмоций, переживаний, идей и фантазий. Здесь царит полный бардак и неразбериха. Религия пытается навести какой-то порядок в этой сфере, но получается плохо. Природа может служить дверью между этими мирами, которая распахнута в обе стороны. И водопад Игуасу, несущий тонны воды – гимн нематериальности Бытия.

Парк Torres del Paine

Мы вернулись в Буэнос Айрес на один день и весь его посвятили сборам. Сережа изучил все варианты перемещения ночью из гостиницы в аэропорт. Он сидел в Интернете, на чисто испанском языке советовался с портье. Мы прошли пешком путь от гостиницы до автобусного терминала, замеряя время и делая поправку на тяжелые рюкзаки. Ехать на такси нам показалось дорого. Дело в том, что мы добровольно и сознательно решили из всех вариантов выбирать самый дешевый. Если правильно настроиться и не считать себя бедной, а смотреть на это как на игру, то получается хорошо. Смущало немного то, что никто не проникался серьезностью нашей проблемы. Наконец мы поняли, что в городе автобусы ходят круглые сутки! Еще какое-то время Сережа боролся с лишними килограммами, которые упорно лезли в наши рюкзаки и, наконец, мы забылись тяжелым сном. В три часа ночи мы вскочили и бодро зашагали на ближайшую автобусную остановку. К нашему изумлению и ужасу по проспекту вообще не ходил никакой транспорт. Мы не сразу поняли причину. Улица была перегорожена огромной театральной площадкой. Мы спросили, в чем дело у полицейских и они объяснили, что завтра здесь будет праздник. «Там, где мы – всегда праздник», мрачно сказал мой муж и мы понеслись с рюкзаками по ночному Буэнос Айресу.

Четыре часа в воздухе и под крылом самолета начинает разворачиваться удивительная панорама. Бескрайние просторы, без малейшего присутствия человека. Это Патагония.

Маленький городок El Calafate – "столица" Южной Патагонии. Это название ягоды, которая растет в местных горах. Представить трудно название российского города – "Брусника", расположенного где-нибудь на севере Томской области. Национальное чувство было бы оскорблено.

В городке много гостиниц, хостелов, кемпингов на любой карман. Кафе, бары, рестораны приманивают туристов уютной обстановкой и разнообразным меню. Чудесные магазины сувениров поражают многообразием и мягким чувством юмора. Но все такое дорожное, что мы только смотрим и без больших сожалений проходим мимо. Наша ниша – дешевый кемпинг, наше жилье – двухместная палатка, наша еда – приготовленные на «горелке» простые каши и супы. Правда мы почти каждый день пьем замечательные аргентинские или чилийские вина.

Из El Calafate можно двигаться в Чили, в парк "Torres del Paine", можно съездить на ледник "Perito Moreno" или посетить аргентинский парк "Glaciares". Первым номером нашей программы был парк "Torres" в Чили.

У моря в городке Пуэрто Наталес.

В Чили приняты строгие правила, запрещающие ввоз в страну продуктов питания. Например, Сережа переживал, что не пропустят гречневую крупу, которая летела из Новосибирска. Но все как-то обошлось, наши огромные рюкзаки внушали уважение, и тщательно прошмонать их тоже было не просто.

Городок Puerto Natales – небольшой обитаемый остров среди бескрайних и безлюдных просторов Патагонии. Он стоит на берегу огромного озера. Вернее я думала, что это озеро, но Сережа объяснил мне, что это Тихий океан. Дело в том, что береговая линия настолько здесь изрезана, что стоя на одном берегу, ты видишь противоположный, и это никак не согласуется с твоим представлением об океане. Но дыхание его чувствуется в соленом влажном воздухе. Пахнет рыбой и водорослями. Городок одноэтажный. Прямо на улицу выходят двери дощатых домов и два больших окна с вязаными занавесками. Никаких оград, палисадников, заборов. "Мой дом – моя крепость" – это точно не про них. Все очень скромно, даже бедно, но очень достойно. Я думаю, что туристическая волна скоро накроет Puerto Natales, он потеряет свою индивидуальность и превратится просто в перевалочный пункт на пути в парк

Есть три стандартных формата посещения парка "Torres". Можно взять однодневную автобусную экскурсию и посмотреть на горный массив издалека, останавливаясь на обзорных точках, которые здесь называются "mirador". В прайс-лист входит обед в ресторане, который расположен очень правильно. Чтобы клиент вкушал одновременно и пищу земную, и пищу небесную. Второй вариант – трехдневный трек, который называется "W-трек", он охватывает три самые красивые и популярные точки. И, наконец, для упертых есть семидневный О-трек или "большой круг", который позволяет обойти весь парк по периметру. Мы провели в этом районе 12 дней и прошагали все дозволенные тропы. Правила пребывания в парке очень строгие и никакого пофигизма чилийцы себе не позволяют. Примерно за полгода надо было зарезервировать места в кемпингах. Причем, если ты зарезервировал место на 1 марта, то и явиться туда ты должен именно в этот день. При входе в кемпинг ты сначала попадаешь в руки рейнджера (так называют людей, работающих в парке), у которого есть список тех, кто в этот день должен прийти на точку. Потом ты расписываешься в том, что не жег костры, ни топтал траву, нес с собой весь произведенный тобой мусор, не пугал животных и вообще вел себя прилично. Надо сказать, что это был наш первый опыт пребывания в национальном природном парке. Причем, если в начале строгие правила поведения нас напрягали, то потом мы не только приняли их, но и стали горячими поклонниками. Конечно, обидно, когда видишь привлекательное место, где можно отдохнуть и приготовить чай на "горелке", но тут же обнаруживаешь грозную табличку, запрещающую это делать. Ты ворчишь и идешь дальше по чистым удобным тропам, вокруг тебя нетронутая природа и непуганые птицы. В какой-то момент ты понимаешь, что все это – следствие суровых запретов и соглашаешься с ними. Наш уникальный Алтай изгажен, растоптан, изувечен.

У лагеря Puesto Seron.

На тропе.

Первый кемпинг – "Torres" – ворота в парк. Стоимость ночевки для одного человека за одну ночь – 20 \$. Правда, я думаю, что это цена для иностранцев. Из этого лагеря ходят смотреть на основную достопримечательность парка. Примерно в 10 км стоят три горы, своеобразной, совершенно непривычной для нас формы, которые собственно и называются "башни". Здесь мы впервые столкнулись со странным атмосферным явлением. Когда мы в шесть часов утра

стартовали, стояла прекрасная погода, день обещал быть чудесным. Но чем ближе мы подходили к "башням", тем хуже становилась погода. Сначала натянуло тучи, потом подул ветер и, наконец, пошел дождь. Вернее правильно было бы сказать, что "ты вошел в дождь". Если оглянуться назад, то можно было увидеть пасторальную картинку зеленых холмов и голубых озер под ласковым солнышком, затем перевести взгляд вперед и понять, что ты шагаешь в преисподнюю. Причем не спускаешься, как принято по канону, а поднимаешься вверх. При этом вместе с тобой прутся туда же еще не менее сотни жаждущих Красоты. Серега, взобравшийся раньше меня на смотровую площадку, просидел час под дождем и ветром, а затем пошел мне навстречу. Я совершенно не была обременена желанием запечатлеть себя на фоне знаменитых башен, поэтому с удовольствием развернулась, и мы зашагали вниз навстречу солнцу.

На следующий день мы пошли "большой круг".

Нагрузка была вполне приемлемая, а чудесные пейзажи создавали приподнятое, праздничное настроение. Таких сумасшедших красот, как в Непале, не было, но в душе возникало теплое чувство благодарности. В Патагонии природа отстранена от человека, но не строгим регламентом поведения, не запретами и штрафами, а чем-то более сущностным. Здесь почему-то не живут люди. В Непале, на высоте 4 тыс. метров, в гораздо более суровых условиях живут, а здесь нет. У меня нет никакого правдоподобного объяснения этому феномену. Природа смотрит тебе прямо в глаза, изучает тебя так же, как ты ее. И улыбается тебе так же, как ты ей. Как будто тебе позволили зайти в чудесный дом, но открывать все шкафы не торопятся.

Легко можно представить себе фоторепортаж под названием "Мой Непал". Если человек интересный, то можно принять и "его" Алтай. Но сказать "Моя Патагония" – продемонстрировать непонимание и безвкусицу. Прилагательные от слова «Патагония» плохо образуются. Трудно про что-то сказать "патагонский", это сразу превращается в "потогонский" и теряет смысл.

Наша стоянка в лагере Los Perros.

На спуске с перевала Гарднер.

На четвертый день трека мы шли перевал Gardner. Я отношусь ко всем перевалам с большим уважением, хотя этот был совсем не высокий (1200м) и без всяких технических сложностей. Единственной серьезной проблемой стал ветер. Ветер в Патагонии явление особенное. Во-первых, он начинается и стихает совершенно неожиданно, рождая ощущение присутствия чьей-то воли. Во-вторых, его шепот, свист, завывание напоминают речь каких-то существ. В-третьих, он все время играет с тобой. Вот ветер дует тебе в лицо, ты наклоняешься вперед и с усилием делаешь шаг за шагом. Вдруг на секунду ветер стихает, но ты продолжаешь упираться. Боковой удар завершает злую шутку, и ты кубарем летишь на землю. Так на перевале перевернуло Сережу, и только его тяжелый рюкзак послужил ему якорем и он не улетел в пропасть. Меня ветер так вдавил в скалу, около которой я оказалась, что на щеке остались отпечатки камня. Напрягались мы не зря и были многократно вознаграждены фантастическим видом, который открылся перед нами с перевала. Под ногами лежал знаменитый ледник Grey. Ледники в Патагонии это отдельная песня. Сами горы не высокие, но обильные осадки и высокие широты рождают огромные ледяные реки, моря, ледопады. В Непале тоже есть достойные восхищения ледники, но они лежат на высоте 5000 м. И логика там понятная. Стоит громада Сагарматха и с нее сползает грозный ледник Кхумбу. В Патагонии ледники текут с неба, изливаются из сверкающих небесных чертог. Но нам был сделан еще и дополнительный подарок. На горах, темнеющих на другой стороне ледника Grey, лежала толстая яркая радуга. Не висела в небе тонким обручем, а лежала, как

купчиха на перине, а мы, потерявшие дар речи, смотрели на нее сверху. Пожалуй, это было самое сильное визуальное впечатление на первом треке.

На тропе вдоль ледника Грей.

На мирадоре Британико.

Ночью я долго не могла уснуть, переполненная дневными впечатлениями. Вдруг Сережа говорит: «Дорогая, посмотри, у меня почему-то глаз чешется...» Я включила фонарик, взглянула на своего мужа, в ужасе закрыла глаза и тут же уснула. Первая мысль утром была, какой страшный сон я видела. Но это был не сон. Правый глаз Сережи закрыл огромный пузырь, неприятного лилового цвета. Я никогда не видела ничего подобного и ночью уснула от ужаса. Вот такие шутки шутит с нами наша психика. Сейчас я думаю, что Сереже в глаз попал песок, когда мы шли через перевал, и началось воспаление. Хорошо, что у нас с собой были подходящие глазные капли и через несколько дней все прошло.

Сильный ветер принес непогоду и последующие дни мы одновременно и мокли и сохли. Это тоже особенность Патагонии. Часто бывало так, что светило солнце, шел дождь, дул ветер и в небе висело несколько радуг.

Следующий номер нашей программы был осмотр самой высокой точки массива – горы Paine Grande. Надо было подняться по ущелью вверх 10 км и посетить два мирадора. Главный носил волнующее имя "Британика". У нас были большие опасения, что погода не позволит нам увидеть запланированные красоты. Но нам повезло, на час в небе распахнулось голубое окно и все явилось в полном блеске.

Последние два дня мы должны были отдыхать на берегу озера Пехое. В планах были рассветы и закаты, красные вершины и сиреневые облака. Дождь и ветер не планировались, но ... Тут надо виновато улыбнуться, развести руками, грустно вздохнуть и сказать: "Патагония..."

Прощаемся с чилийцами, накормивших нас обедом в лагере Campamento Torres.

Напишу несколько слов о людях, с которыми мы встречались. Когда мы ходили в первые дни на Торресы, то еще не понимали, что сделать где-то в стороне от тропы обед невозможно. Взяли с собой продукты и горелку. На обратном пути завернули на неработающий кемпинг и там попросили у работяг, которые собирались обедать, позволить и нам сварить себе что-нибудь. Конечно нам разрешили, но уже через две минуты перед нами стояли полные тарелки вкусного супа, потом салат с креветками, фруктовое желе, бисквит и мате. Ребята так радовались, когда я демонстрировала как мне хорошо, что еда становилась еще вкуснее. Это известная история про Авраама и ангелов. Спрашивается, почему Авраам так старался в приготовлении угощения, если ангелам вообще пища не нужна? В том то и дело! Ангелы

питаются добрыми чувствами и намерениями, и Авраам закатил им настоящий пир. Иногда и нам, людям из крови и плоти, необходимо какое-то количество эмоциональной духовной пищи. После обеда самый смешливый парень из наших новых amigos говорит: "Two hundred dollars..." Я изобразила ужас на лице, а он залился счастливым смехом. Все понимали, что мы играем и все были очень довольны. Когда мы уезжали из парка, ребята возвращались домой и ехали с нами в одном автобусе. Это была трогательная встреча близких друзей.

Когда мы шли О-трек, то с нами в том же темпе шло еще человек тридцать. Таким образом, несколько дней мы оказывались рядом в одних и тех же кемпингах. Конечно, кроме обязательного на тропе "Hola", возникают более близкие контакты. Когда меня обгоняли молодые ребята, то каждый раз спрашивали о моем самочувствии и интересовались, не нужна ли мне помощь. Вид у меня, наверное, был бледный, но когда я отвечала, что я ОК и счастлива, то все реагировали очень живо, улыбались и радовались. Мы познакомились с парой средних лет из США – Ненси и Митч, совсем молодой парой из Франции – Марьям и Эрик, были ребята из Канады, Германии, Италии. Когда узнавали, что мы из России, то удивлялись, но отчуждения не возникало. Самыми трогательными были встречи после трека. Ненси бросилась ко мне с объятиями в магазине в Калафате через неделю. Эрик и Марьям подвезли нас до автобуса, причем специально заехали за нами на наш последний кемпинг. Один парень, имени которого мы так и не узнали, несколько раз пугал Серегу громкими приветственными воплями, встречая нас в разных частях Патагонии. С некоторым трудом я переносила только китайцев. Они появлялись большими группами, нарушая все правила приватности, окружали нас плотным кольцом, начинали громко кричать и фотографировать друг друга в максимально выразительных позах.

В Эль Калафате мы вернулись 8 марта.

Ледник Perito Moreno

Следующий пункт нашей программы был знаменитый ледник "Perito Moreno".

В Европе туристическая индустрия активно использует храмы, дворцы и картинные галереи. Наши наивные предки творили во славу Всевышнего, создавая произведения искусства. Их предприимчивые потомки делают на этом бизнес. Аргентина и Чили научились зарабатывать деньги на своих уникальных природных феноменах. Делается это в высшей степени профессионально. Каждый день сотни людей приезжают посмотреть на ледник. Подают это изысканное блюдо в красивой упаковке с бантиком, чтобы ни у кого не возникло чувство, что зря заплатил большие деньги.

Ледник огромной многоэтажной громадиной медленно сползает в озеро. А на противоположном крутом берегу построены тропы – террасы и смотровые площадки. Террасы сделаны из металла, с высокими перилами. Они ограничивают свободу передвижения, но никому в голову не приходит мысль покинуть удобные дорожки. Они находятся на разной высоте и на разном расстоянии от ледника. Все можно внимательно рассмотреть. Самым интересным был вид с нижней террасы. Там можно было наблюдать, как от ледника откалываются части и с грохотом обрушиваются в воду, которая "вскипает" кусочками льда. Бармен высокого класса готовил этот коктейль.

Сережа рассказывал мне, что за отдельные деньги есть возможность таки вступить на ледник.

Гид откупоривает бутылку шампанского, ледорубом отбивает лед, наполняет им бокалы и произносит тост за мирное сосуществование человека и природы. Можно плевать желчью, услышав об этой услуге, а можно отнестись с улыбкой и с пониманием. В конце концов, часть полученных средств идет на сохранение природы, и ледник чувствует себя хорошо.

Забавно, что за время наших путешествий природа для меня все более и более "очеловечивается". У гор и озер появляется свой характер, они могут быть настроены миролюбиво, а могут сердиться и нервничать. Ледник "Perito Moreno" был настроен к нам весьма доброжелательно.

Парк "Glaciares".

Ледник Морено находится в южной части большого национального природного парка "Glaciares". Плата за удовольствие увидеть ледник довольно высокая. Северная часть парка свободна. Ее называют "El Chalten", по имени маленького туристического городка, распахнувшего свои отели и кемпинги для многочисленных туристов со всего света. В 10 км от Чалтена находится самая популярная в Патагонии гора – "Fitzroy". (El Chalten – имя той же горы на языке индейцев, живших когда-то в этих краях). Фицрой – фамилия капитана корабля "Бигль", на котором плавал Дарвин, неутомимого путешественника и исследователя Патагонии. Не знаю, какой характер был у капитана, но гора оказалась ужасно вредная.

Обычно в El Chalten приезжают на 3-4 дня. Останавливаются в городке, в комфортных условиях. Один день гуляют до Фицроя, поднимаясь до озера Де Лос Трес, на другой день совершают прогулку до горы Торре. Эта изящная гора, одноименное озеро и роскошный ледник, сползающий в него, достойно конкурируют с Фитцроем. Около этих главных точек расположены места, где можно бесплатно поставить палатку и переночевать, а не метаться до городка и обратно.

Мы вдумчиво «окучивали» окрестности Фицроя 12 дней.

По пути на озеро Де Лос Трес.

У лагеря Poincenot.

Первая наша ночевка была на берегу озера Капри. Около нас был небольшой пригорок, с которого можно было увидеть знаменитый Фицрой. Утром Сережа лениво выполз из палатки и вдруг заорал "Смотри ...". Зрелище было фантастическое. На небе пламенели облака, в полном блеске и великолепии красовался горный массив во главе с гордым капитаном. Но время мы упустили, утренний свет быстро погас и на горы начал наползать серый туман. Сережа был безутешен. По его словам искусство пейзажной фотографии заключается в том, чтобы заранее найти точку, понять, что есть шанс, а потом сидеть и ждать, что повезет, "включат" свет и дадут картинку. "Вдруг" что-то поймать почти невозможно. Этот упущенный шанс преследовал нас две недели. Гора просто издевалась над нами, как бы говоря: "Сами, ребята, виноваты, спать меньше надо..."

На следующий день мы дошли до самого большого кемпинга Poincenot и сразу рванули вверх, к озеру Де Лос Трес, засвидетельствовать свое почтение капитану. Увы, он был хмур и почти невидим.

Потом начался нудный нескончаемый дождь. Он не прекращался два дня. Палатка у нас была

очень хорошая и не протекала, но лежать целый день и слушать, как стучат капли и воет ветер – тоскливо. Мы развлекались тем, что перебирали в памяти наши общие воспоминания, накопившиеся за сорок лет совместной жизни. Забавно, что мелочи, которые и делают картинку живой, у каждого были свои. Событие, почти стершееся из памяти одного персонажа, бережно хранилось в голове другого. Такие разговоры многократно усиливают ощущение, что мы – одно целое.

У нашей палатки в дождевике (лагерь Poincepot).

Утром второго дня я пошла немного погулять, но сразу потерялась. Часа полтора я металась в тумане по мокрым кустам и не могла найти лагерь. Я вернулась в палатку мокрая и несчастная. Серега, который все это время сладко и благоразумно спал, спросил меня, хорошо ли я погуляла. Поверить, что я потерялась, он не мог.

На третий день по лагерю прошел слух о надвигающемся похолодании. Дождь должен был превратиться в снег и, главное, появиться солнце. Мы встали в пять часов утра. Все действительно было покрыто снегом, на чистом небе горели звезды. Пейзаж был нереально красивый и торжественный. Казалось странным, что не звучит какая-нибудь fuga Баха. И только над Фицроем собирались подозрительные облака. Мы довольно резво поднялись до озера, предвкушая увидеть, наконец, знаменитую картинку, которую обещают все путеводители по Патагонии.

Нет! Нет! И еще раз – нет!

Как будто кто-то взял резинку и аккуратно стер с неба самую большую гору, оставив те, что поменьше. Я не стала ждать улучшения видимости, понимая, что дело не в погоде, а в чем-то другом и решение «не давать» нам Fitzroy принято на самом высоком уровне.

Сидеть на одном месте и ждать, когда гора проявит к нам снисхождение, не было сил. И мы, несмотря на дождь, отправились дальше.

На склоне горы Фитц Рой.

На нижней тропе к озеру Laguna Susia.

На три дня мы ушли от найденных троп и замусоленных пейзажей в ущелье Electrico. Когда ты целый день обреченно топаешь с рюкзаком под дождем, то невольно смиряешь гордыню и уже не чувствуешь себя крутым трекером. В душу закрадывается подозрение, что ты просто идиот и мазохист.

Ночевали мы в платном дорогом кемпинге. Единственное, что украсило нашу жизнь – уютная столовая с печкой (но еду надо было готовить под дождем в другом месте). Прогулка вверх по ущелью на следующий день была замечательной. Дождь потихоньку кончился. Патагония

оценила по достоинству наше упорство и улыбнулась нам. За целый день мы не встретили ни одного человека и наслаждались иллюзией полного слияния с первозданной природой.

Симпатичный рейнджер, наш гостеприимный хозяин, сказал, что пару дней будет хорошая погода, и мы рванули назад к Фицрою, окрыленные надеждой увидеть капризную гору во всем блеске. Наивные люди!

По пути в ущелье Electrico.

В кемпинге в ущелье Electrico смотрю художественно оформленную книгу записи.

У озера Electrico.

Мы вернулись в Poinscot и поставили палатку на том же месте, где стояли три дня назад. Забавно, как человек при малейшей возможности продуцирует штамп «Я возвращаюсь домой...» Вечером побродили по ближайшим холмикам, подыскивая место для утренней съемки и еще на что-то надеясь.

Утром Сережа пошел фотографировать. Я решила не мешать ему и побродить одна в утреннем тумане, не отходя ни на шаг от тропы. Я понимаю, что язык, на котором Природа разговаривает с нами это пейзаж. «Обращаясь к сознанию пейзажем», как пишет Бродский. Но часто ловлю себя на том, что задумавшись, пропускаю реплику собеседника. Так было и в тот раз. Небо начало розоветь, по облакам побежали сиреневые тени, вершина горы засветилась. Я расположилась с комфортом на причудливой коряге и приготовилась к диалогу. К моему изумлению «Он все сказал». Спектакль кончился, так и не начавшись. Настырному и внимательному Сереге повезло больше, занавес приоткрылся на несколько минут, как будто только для того, чтобы Фицрой показал ему длинный насмешливый язык. Это я про «алые облака над Фицроем».

После завтрака мы двинулись дальше, на встречу с горой Сьерро-Торре, еще одной достопримечательностью парка "Glaciares". Восхождение на эту гору считается одним из самых трудных в мире. Один из маршрутов на вершину называется «компрессор». Сережа рассказал мне историю про итальянского альпиниста Чезаре Маэстри. Первый раз он совершил восхождение на Торре в 1959 году. Но его товарищ погиб на спуске, и почему-то встал вопрос «А были ли ребята на вершине?» Чезаре вернулся к горе через 11 лет, приволок с собой на вертолете компрессор и проперфорировал гору, вбив в нее более 400 крючьев. Многие осудили его поступок, сказав, что он изгадил гору. Не так давно, два американца спилили почти все, но это тоже вызвало противоречивые чувства у публики. Наш легендарный альпинист Анатолий Букреев говорил:

«Горы не стадион, где удовлетворяют свои амбиции, а храм где исповедают свою религию». Наверное, эти слова и объясняют разницу взглядов на маршрут «компрессор».

Вообще меня очень трогают все эти истории про восхождения. В них всегда много индивидуального чувства, своей собственной правды, которая может вдруг показаться мифом, но, если ты соперничаешь дальше, то опять становится правдой.

Прелесть трека в Патагонии в том, что шагаешь по удобным тропам и с удовольствием глазеешь по сторонам. Кошмар трека в Патагонии – ветер и дождь. 18 марта, когда мы двигались к Сьерра-Торре, погода была такая ужасная, что объяснение этому могло быть только одно – выборы в России. Ветер дул с такой силой, что срывал дождевую накидку. Капли дождя секли лицо. Впервые Патагония показалась злой. К тому же стремительно холодало. Когда мы пришли в кемпинг, поставили палатку, и я залезла в нее, мне показалось, что я обрела надежное укрытие. На самом деле, надежным был только мой муж. Под ветром, дождем и снегом он приготовил еду, пропихнул котелок в палатку и мы, стоя на четвереньках, кое-как поели. Меня начала охватывать тоска. При мысли о том, сколько денег нам стоило это «удовольствие», мне становилось совсем тошно. Потом я лежала, дрожала от холода и думала, что в России уже прокрутились все «карусели», проголосовали все батальоны и, главное, что миллионы людей отдали свои голоса «Дону Рэбе» с трепетом и восторгом. И я поняла, где настоящая тоска и непроглядная хмарь. Погода в Патагонии меняется очень быстро, надежды на смену «политической погоды» в России нет никакой.

Следующий день встретил нас ослепительно синим небом. Белоснежные вершины горели на солнце. Озеро покрыл тонкий лед, звенящий под легким ветром. Все было залито призрачным золотым утренним светом. Патагония приносила нам искренние извинения за доставленные вчера неудобства. Сразу стало неловко за свое малодушие и ропот. Жаль, что люди не умеют так легко выходить из напряженных и болезненных ситуаций. Ссора, как дождь, прошла, и можно улыбнуться друг другу!

У озера Laguna Torre.

На мирадоре Маэстри.

Мы должны были после Сьерра Торе вернуться в El Chalten, сделав классическую петельку, но прекрасная солнечная ясная погода давала нам шанс увидеть, наконец, Фицрой. И мы повернули назад.

Третий раз мы разбивали палатку на одном и том же месте и с тревогой смотрели на куксившуюся гору. «День сурка» повторялся с оскорбительной мелочностью. Утром я обреченно спала. Серега вернулся с утренней съемки понурый, грустно сказал «Не дали... », и мы начали собираться.

В Чалтане мы поселились в скромном кемпинге, с удовольствием помылись, постирали вещи, приготовили себе шикарный ужин с мясом и вином. Но меня давила тяжесть несбывшихся ожиданий, не оставляло ощущение неисполненного завета. Неделя была «заложена» Сережей на плохую погоду, мы не собирались легко сдаваться, мы не полагались на глупое везенье, мы мерзли и мокли, мы карабкались по скользким камням вверх и я даже свалилась один раз в ручей, но вознаграждены мы не были. Старый капитан Фицрой спокойно и терпеливо учил нас правилам пребывания в своем мире. «Оставь амбиции, забудь про мотивацию, не ропщи, не жди наград. И, главное, будь благодарен солнечному лучу, пробивающемуся сквозь тучи не потому, что он

осветил вершину, а просто потому, что пробился».

Мы вернулись в Эль Калафате 23 марта. Наш кемпинг почти опустел. Холодно. В Патагонии скоро наступит зима.

P.S. Я перечитываю, и исправляю опечатки в своих «потогонских» записках. Сегодня я путешествую во времени. Я закрываю глаза и вижу волшебную гору со звонким именем в лучах золотого утреннего солнца. Легкие розовые облака подчеркивают белизну снега на вершине. А вот гора горит в ярком закатном свете, среди лиловых туч, которые не скрывают светлый лик, но подчеркивают безупречность линий. Может ли кто-нибудь сказать, что я этого не видела?

Озерный край

Мы покидали Южную Патагонию с чувством благодарности, но без сожаления. Было совершенно ясно, что мы никогда сюда не вернемся. Величественные ледники, томные дали, зеркальные озера, причудливые горы будут обольщать других путников. Патагония позволяет собой восхищаться, но не дает себя полюбить. Мы летели на север, ближе к экватору с надеждой, что будет теплее, зеленее и веселее.

Полное название городка, куда мы прибыли – Сан-Карлос-де-Барилоче, он является «столицей» Северной Патагонии. Мы заселились в хостел «Марко Поло» и были приятно удивлены тем, что в нашем номере был душ и окно. Правда, окно выходило на глухую стену соседнего дома, а душ плевался холодной водой, но после месяца, прожитого в палатке, на такие мелочи не обращаешь внимание. Очаровала нас и большая столовая с кухней, на которой можно было приготовить еду. Мы приняли душ, оделись, причем впервые за долгое время, думая не о целесообразности и тепле, а с некоторой долей изящества. «Скромная пожилая приличная пара совершает вечерний променад...» Этот статус сильно отличался от нашего креативного образа упертых треккеров преклонных лет. И с каким удовольствием мы сменили имидж. Правда, скоро выяснилось, что на улице вечером прохладно, а мы оделись легко. У Сереги еще и волосы после душа были мокрые. Я накрутила ему на голову свой белый шарф. Приличный джентльмен тут же исчез и на его месте возник лихой разбойник с восточным колоритом.

Гуляем в окрестностях Барилоче.

На вершине Llao Llao (1080 м).

Мы зашли в туристический офис, и Сережа покорила девочку, отвечающую на вопросы посетителей, глубоким знанием всех нюансов путешествия по «Озерному краю» и огромным количеством карт и схем, которые он извлекал из рюкзака как фокусник из шляпы. Сережа даже получил некий сертификат, подтверждающий его исключительную подготовленность.

Барилоче очаровал нас. Это была любовь с первого взгляда. Нам нравилось все. И булыжная мостовая, и скромный собор, и длинная набережная, и небольшая демонстрация людей выступающих против чего-то или за что-то. Поскольку лица у всех спокойные и доброжелательные, то совершенно не понятно «за» или «против» выступают интеллигентные ораторы.

Главная площадь выходит на набережную, та превращается в городской пляж, где по берегу ходят большие птицы с изогнутыми клювами, в черных лохматых штанишках. На них никто не обращает внимания, их не замечают, как мы не замечаем толстых голубей на наших улицах. С

набережной открывается волшебный вид, но не на море, не на реку, как мы привыкли, а на огромное озеро. Причудливая береговая линия, зачарованные горы вокруг, незнакомые звезды на небосклоне, все не твое. Мы живем в мире, который набит мелкими, но чрезвычайно важными для нас вещами, делами, эмоциями. Они пристегивают нас к действительности как булавки. Во время путешествия наступает волшебный момент, когда все «домашние» булавки отстегнулись, а те, которые вокруг сделаны не для тебя, не имеют к тебе никакого отношения, и ты чувствуешь сокрушительную свободу. Здесь, в Барилоче, меня отпустило внутреннее напряжение, определяющее мое настроение в парках Южной Патагонии.

Долгожданная ночь на кровати принесла мне безумную головную боль. Мне было душно, мне было жарко, на меня давил потолок и душила подушка. Мне хотелось обратно в палатку, под звезды и ветер.

На вершине Cerro Campanario (1050 м).

В парке Llao Llao.

На следующее утро мы сели на автобус и отправились осматривать окрестности Барилоче. Первым пунктом программы была небольшая гора Cerro Campanario. Подняться на нее можно на фуникулере, а можно пешком. Мы поднимались пешком потому, что приложив некоторые усилия, воспринимаешь фантастический пейзаж как подарок, как награду. Я опасалась, что мы в наших путешествиях вступили на некий экстенсивный путь восприятия. Мы уже много видели: и самую высокую гору, и самый мощный водопад. Можно начинать охоту за другими «самыми-самыми.» Усиливающийся грохот барабанов и звон колоколов. К счастью, мы попали в Патагонию и получили мощную прививку против этого безумия. Нежная красота Озерного края пленяет и остается с тобой навсегда, как хорошие стихи.

По плану в Северной Патагонии мы должны были пройти небольшой пятидневный трек Nahuel Huapi Traverse (русская транскрипция названия озера – Nahuel Huapi – ласкает слух и рождает ностальгию по Родине). Первая часть трека – простая, тропа идет траверсом по холмам вдоль озера, а вторая часть проходит по скалам и камням и достаточно трудная. Я не находила в себе силы на новые подвиги, но, по заведенным правилам, молчала. К счастью, мой муж – благоразумный человек. Он, посмотрев прогноз погоды, решил не испытывать судьбу и не лазить по мокрым скалам.

Первый день трека Nahuel Huapi. Около этой хижины мы пообедали и продолжили путь в кемпинг Refugio Frey.

Я чувствую, что для живописания красот Патагонии я использовала уже все краски. Я уже писала, что в этой части нашего путешествия, в Озерном крае, у меня существенно изменилось внутреннее состояние. Мне не хотелось штурмовать перевалы, захлебываться от восторга,

преодолевать себя, выискивать тонкие смыслы и изрекать глубокомысленные суждения. Хотелось медленно тащиться по тропе, не думая о том, куда она меня приведет. Таращиться на незнакомые деревья и травы, не беспокоясь о том, как они называются. Приветствовать проходящих мимо людей пустым «ОЛА», не переживая о том, как я выгляжу. Благословенная внутренняя свобода! Это ощущение свободы нельзя вызвать искусственно, его нельзя воспитать в себе, протащить через голову. Оно или дается человеку в момент его появления на свет, как драгоценный дар (им обладал мой отец, таков мой сын) или неожиданно накрывает тебя с головой, как морская волна. Но ты торопишься вылезти на твердую почву обыденности, ощутить на руках и ногах милые привычные кандалы.

Второй день трека Nahuel Нуари. Поднимаемся на перевал Cancha de Futbol.

На второй день мы прошли два небольших, но очень красивых перевала. Вверх я поднимаюсь нормально, не мучая Сережу бесконечными остановками, но спуск вниз – тяжелое испытание и для него и для меня. Поскольку я твердо знаю, что торопиться нельзя, то я медленно и печально, часто на четвереньках или на животе, сползаю с перевала, доводя бедного Серегу до полного изнеможения. С тяжелым рюкзаком он легко прыгает с камня на камень и за несколько минут исчезает из моего поля зрения. Я, не видя тропы, или тупо останавливаюсь, или попадаю сверху на какую-нибудь неприступную скалу и начинаю жалобно звать на помощь. Дополнительную ноту вносило то, что со склона, по которому я еле-еле ползла вниз, хорошо было видно озеро, домик рейнджеров, огромная палатка – купол для треккеров. Казалось, что можно протянуть руку и дотронуться до желанного приюта.

Мы спустились вниз, когда уже начало смеркаться. Сережа сказал, что до лагеря осталось несколько десятков метров, и он пойдет вперед, поставит палатку и займется ужином. Я изо всех сил старалась не отставать от него. Вдруг на нашем пути возникла как мне показалась непреодолимая скала. Сережа, без видимых усилий, взлетел наверх. Я, в отчаянье, простонала: «А мне, что делать?». Но ответа я не услышала. Я решила не паниковать и ждать когда мой муж вернется за мной и поможет мне вскарабкаться на скалу. Время шло. Становилось темнее и тоскливее. Я сняла рюкзак и, к своему изумлению, довольно легко преодолела препятствие. Я была уверена, что попаду в кемпинг и найду своего сбежавшего мужа. Но вокруг не было ни души. Я побродила по каменистой площадке. Все видимые тропинки обрывались и я решила проявить благоразумие, вернуться к рюкзаку и ждать, когда Серега спохватится, что потерял жену. И тут я осознала, что не понимаю где же эта проклятая скала, под которой лежит мой оставленный рюкзак. Меня накрыл ужас. Почему-то все происходящее показалось мне мистикой. В голову полезли всякие истории о таинственных исчезновениях. Я стала метаться и что-то дико орать. Потом я решила пробиваться с боями к дому рейнджеров. Его было видно, но дороги к нему я не нашла и вломилась в густые колючие кусты. Через пару минут стало ясно, что я не могу сделать ни шагу. Руки и лицо были исцарапаны в кровь. Вдруг где-то послышались голоса, и я увидела на фоне неба силуэты. “Help me, please!” – закричала я, не думая о том, насколько глупо я выгляжу, радуясь только присутствию людей в этом чужом и враждебном мире. “No problem! Here is my wife!” – услышала я знакомый спокойный голос. Дескать, имеет обыкновение моя жена забираться по ночам в колючие кусты и взывать о помощи. Я налетела на Серегу, я колошматила его руками и пыталась еще достать ногам, но он ловко уворачивался. От пережитого стресса я не могла говорить и только икала. Мой муж совершенно не мог понять, что происходит и какая злая

сила превратила его спокойную и всем довольную жену в разъяренную фурию. Наконец Сережа спросил меня: «Дорогая, а где твой рюкзак?» Вопрос вызвал у меня новый приступ ярости и икоты, потому, что именно пропавший рюкзак и придал всей истории мистический оттенок и вверг меня в пограничное состояние. Сережа спокойно сходил за рюкзаком и обнял меня крепко, возвращая к действительности. Сейчас я понимаю, что некоторая театральность и чрезмерность произошедшей истории послужила хорошей психологической разрядкой и уберегла нас от реальных проблем.

На следующий день мы вернулись в Барилоче и прожили еще два дня в замечательной гостинице, в максимально комфортных условиях, гуляя по окрестностям и наслаждаясь отдыхом и чудесной природой.

В последний день мы имели счастье наблюдать «шоколадный» фестиваль. На главной улице был сооружен длинный стол и тысяча кондитеров должны были сделать огромную плитку шоколада. Никакого смысла в этом действии не было, но, очевидно, праздничное настроение также заразительно, как грипп. В этот день выступало много музыкальных групп. Аргентинцы – прекрасные музыканты и мы получили большое удовольствие, слушая яркие, нежные и очень страстные латиноамериканские мелодии.

В Барилоче хочется вернуться, там определенно осталась небольшая часть моего «я». Пожить в какой-нибудь маленькой уютной гостинице. Увидеть снег на ветках вечнозеленых деревьев и уплыть куда-то в синюю даль...

Пустыня Атакама и путешествие в Боливию

Последним аккордом, финальной частью, вишенкой на торте стало наше путешествие на север Чили, в пустыню Атакама и трехдневный джип-тур в Боливию.

Мы вернулись в Буэнос-Айрес как к себе домой, оставили в нашей гостинице палатку, спальники и уже привычным маршрутом, без шума и пыли, отбыли в аэропорт. Я очередной раз была поражена идеальной логистикой, проработкой всех деталей, огромной работой, которую проделал мой любимый муж. Bravo, Серега!

Мы прибыли в пустыню Атакама в городишко Сан Педро де Атакама 1 апреля. Позади был тяжелый ночной перелет из Буэнос-Айреса в Сантьяго, а затем в Калама. Въезд в Чили – всегда стресс. На этот раз на границе у нас отобрали наш завтрак, бутерброды с колбасой, т.к. я, по недомыслию, положила туда листья салата. Мы просили, чтобы нам позволили вернуться и съесть преступный продукт по другую сторону границы, но мы уже прошли паспортный контроль и были в Чили, а закон есть закон.

Когда мы ехали из аэропорта, я все время чуть-чуть засыпала и граница между действительностью и сном размывалась. Дали были прелестны. Мягкие оттенки серого, голубого, зеленого плавно сливались и переходили друг в друга. Кончались солончаки, начиналось небо, и все время мерещилось между ними большое теплое море. Но когда глаз фокусировался на короткие расстояния, то все разительно менялось. Дорогу обступали красновато-рыжие скалы, изрезанные ветрами, без следа какой-нибудь жизни. Странно, что зрение не фиксировало, не замечало переход от грубых камней к нежным небесам и сознание плавало от сна к реальности.

Городок Сан Педро похож на все "туристические" поселения. Толпы праздно шатающихся туристов и местное население, озабоченное отъемом у них денег. Масса мелких магазинчиков, лавочек, отельчиков, ресторанчиков. В Непале всегда интересно наблюдать жизнь народа, которая не связана с туристическим бизнесом. Здесь мы не увидели ничего "человеческого": дети не шли в школу, хозяйки не покупали продукты, мужчины не обсуждали последние новости. Мировой туристический бум искажает и уродует жизнь местного населения, которому "повезло" оказаться на перекрестке дорог. Но и сам туризм в этих местах весьма специфический. На улице редко встретишь треккера с рюкзаком и горящими глазами. Основной формат – автобусные экскурсии. Но есть и такая экзотика, как спуск на сноубордах по песчаным дюнам. Популярны и велосипедные прогулки.

Наша первая экскурсия состоялась на следующий день и называлась "Лунная долина". Название связано с тем, что некоторые окрестности города напоминают лунные пейзажи (тот, кто

был на Луне, легко заметит сходство, остальные верят на слово). Экскурсия начиналась в 4 часа дня, и кульминацией должно было стать наблюдение заката солнца в пустыне Атакама. Волшебное слово "sunset" звучит как пароль. Мы с Сережей уже много раз участвовали в этом групповом помешательстве во время наших прежних путешествий.

Фокус в том, что Сереге нужен мягкий вечерний свет, который делает фотографию "глубокой", а розовые облака, красные вершины и золотой шар, скатывающийся за горизонт – это для начинающих.

У нас был очень славный гид, который мало смыслил в фотоискусстве. Мы потратили три часа на осмотр популярных камней, превращенных ветром в фантастические фигуры и подъехали к "закатному" мирадору в 7 часов. Солнцу оставалось висеть на небе еще пару минут. На Сережу было больно смотреть. Он кинулся к одной точке, горестно застонал и побежал на вершинку, которая еще слабо светилась. Но было ясно, что спектакль закончился, мы опоздали.

Вторая наша экскурсия называлась "Высокогорные озера" и начиналась рано утром.

Организовано все было очень хорошо. Маленький туристический автобус проехал по адресам клиентов и собрал всех, кто приобрел этот тур. Дальше начались некоторые странности. Мы приехали в маленькую деревушку и долго осматривали маловразумительную башню. Я так и не поняла что же в ней должно было меня поразить. Доехали до озера, на котором обитают фламинго. Подойти близко к нему нельзя. Дорожка, на которую можно поставить ногу, четко обозначена камнями, а твой милый гид зорко следит за тем, чтобы никто не нарушал правила. Приехавшие раньше нас группы распугали всех фламинго, и мы не увидели этих удивительных птиц. Немного утешил предложенный завтрак, но все же встреча с фламинго была бы предпочтительней. Следующие два озера пропали из моей головы. Я закрываю глаза, но картинки нет. И возникает вполне резонный вопрос «И что мы видели?» Я могу описать "в красках", что мы мечтали увидеть, но расхождение будет болезненным. Мы все же не падали духом и возлагали большие надежды на трехдневную поездку в Боливию.

Атакама. Лунная долина.

Наша группа на туре в Боливию.

И понеслись...

Рано утром загрузились в автобус, не приходя в сознание, пересекли границу, отстояв огромные очереди по обе стороны, и выпали на плато, где стояли боливийские джипы и был накрыт завтрак. Первое потрясение – холод и ветер. Затолкнуть что-то себе в рот было трудно (может быть на это и расчет?) Наконец нас разбили на группы по шесть человек и предложили грузиться в джипы. Как показало дальнейшее развитие сюжета, нам исключительно повезло – у нас была прекрасная компания. Две девочки из Англии – Изабелла и Алекс, молодая пара из Австралии – Крис и Джессика. Крис вспомнил нас, в Патагонии, около горы Торре мы рядом встречали рассвет на озере.

Наш водитель, Андреас, бодро начал вещать что-то по-испански. Мы остолбенели, т.к. очевидно, что испаноговорящих среди нас не было. Эта проблема тоже нашла свое решение: Изабель учила испанский язык, и она стала нашим переводчиком.

"Акуна матато" – девиз нашей чудной боливийской компании.

Первый день был замечательный. Новая, совершенно незнакомая, удивительная природа, приятные попутчики, достаточно комфортные условия существования. В таком формате мы еще не путешествовали.

Особенность здешних озер заключается в том, что у них, как правило, совершенно отсутствует береговая линия. Озеро "проступает" из земли. Но самое странное то, что озера разноцветные и голубой цвет отнюдь не доминирующий. Более всего они похожи на палитру великого Художника, на которой он разводит свои краски. Я не видела в Гималаях и на Алтае "рериховских" гор и не будучи поклонницей Рериха, находила в этом оправдание своему равнодушию. Теперь я знаю где "водятся" эти пейзажи. Горы имеют почти неправдоподобно правильные формы: конус, усеченный конус, полусфера. После нагромождения башен и шпилей в Патагонии эта лаконичность умиротворяет и гармонизирует. Горячие источники, термальные поля, теплый пар, бьющий из-под земли, уже казались чрезмерными. Хотелось сказать: "Спасибо, компота не надо..." А еще требовалось переварить грациозных фламинго в больших количествах, изящных альпаков и лам, одетых в тяжелые меховые шубы.

Геотермальное поле Sol de Маfаnа.

Заброшенная железная дорога на солончаке Chiguana.

Теперь о наших новых друзьях. Крис и Джессика начали свое путешествие в начале декабря, а закончить планируют в июне. Джесс 27 лет, Крису около сорока. Они живут на западе Австралии, работают врачами. Крис хорошо фотографирует. Девочки-англичанки откомендовались студентками на каникулах. Алекс изучает фармакологию, а Изабель – языки. Каникулы они себе тоже устроили на полгода и собираются вернуться домой летом. Конечно, бывали ситуации, когда они болтали вчетвером, но барьера не возникало никогда и стоило мне обратиться к кому-то на своем убогом английском языке, как мне навстречу распахивались улыбки и меня всегда старались понять. Такого уровня душевного комфорта с малознакомыми людьми я давно не испытывала.

Первая ночевка была в хостеле, где в одной комнате разместилась вся наша компания. Ночью у всех болела голова. Мы были в первый день на высоте 4.800 метров. Причем поднялись туда на джипе, нарушая все правила акклиматизации.

Второй день начался с прекрасного завтрака и обещал быть не менее интересным. Но примерно через час после старта из-под капота нашего джипа повалил пар и он начал плеваться кипятком, как маленький гейзер. Наш отряд из пяти джипов остановился. Проблема росла и пухла на глазах. Два часа мы гуляли около подвернувшегося озера, а наши водилы пытались укротить взбунтовавшийся джип. Наконец двинулись дальше. Через полчаса история повторилась, и было принято решение рассовать нас по другим машинам, а Андреаса отправить лечить своего железного коня. Это было очень грустно. Во-первых, много времени было потрачено впустую и далее на осмотр интересных точек нам отводили не более получаса. Во-вторых, настроение было капитально испорчено тем, что мы попали в джип с китайцами. Пусть меня обвинят в расизме, но "китаец путешественник" – особенно отвратительный типаж. Дело в том, что для них совершенно не существуют другие люди. Например, одна китаянка может встать справа от тебя, а другая слева и начать оживленный диалог. Мне кажется, что это пренебрежение чужим существованием не национальная черта, а скорее, социальная. В одном из джипов ехали пять китайцев из Австралии. Милые люди, умеющие уважать других. Шестым у них был молодой англичанин, который все-таки предпочитал проводить свободное время с нашими ребятами. Ночевали мы в "соляном" отеле. Стены в нем покрыты соляными плитами, на полу насыпан толстый слой соли, ни чем не отличающейся от той, которую мы кладем в суп. Удивительно, но

там было тепло и очень комфортно. Прекрасный ужин с бутылкой вина и разговорами примирил нас с этим неудачным днем.

Третий день был кульминацией всего путешествия. Мы опять были все вместе с Андреасом в усмирном джипе и отправились на знаменитое соляное плато "Salar de Uyuni". Мы подъехали к нему со стороны небольшой горной гряды, так, что плато оказалось перед нашими глазами во всем своем великолепии. Вначале ты просто не понимаешь, что перед тобой. Под ослепительным солнцем лежит белый неподвижный океан. Как сказал мой сын: "Наверное, прилетев на другие планеты люди увидят что-то подобное". Самое верное суждение! Потом мы спустились вниз, побродили по соляному прибою и поехали на другой берег. Это был полный сюр! Соль покрыта слоем воды в несколько сантиметров. Возникает иллюзия, что автомобиль едет по воде. Причем именно едет, а не плывет. Вода, насыщенная солью, вспыхивает на солнце ослепительными искрами. Она намного тяжелее, чем вода в лужах, поэтому из-под колес летят не вульгарные брызги, а разбегаются благородные волны. В небе плавают миражи. На твоих глазах островок в соляном море медленно поднимается в воздух и зависает. Ты перестаешь понимать, что есть действительность.

На плато Уюни.

Андреас устроил нам увлекательную фотосессию. Изабель превратилась в огромную великаншу, а все остальные в маленьких гномов. Такие чудеса могут случиться только на плато Уюни. Отметим еще национальную традицию жевать листья коки. Наше европейское сознание легко съезжало и без употребления легких наркотиков.

После обеда мы нежно простились с нашими друзьями, которые отправились путешествовать дальше по Боливии, а потом в Перу и Мексику. Мы вернулись в Сан Педро.

В последний день мы решили все же посмотреть закат солнца в пустыне. На последние песо мы взяли два велосипеда и покатали. Прокатчик велосипедов заверил нас, что закат «дадут» бесплатно, но когда мы подъехали к мирадору, дорогу нам преградила стеклянная будка. К моему изумлению наши объяснения, что мы несколько дней назад были здесь на экскурсии, но опоздали "на закат", подействовали и нас пропустили. Случай совершенно из ряда вон выходящий потому, что чилийские строгие правила нарушать нельзя и за этим внимательно следят. Никакого аргентинского пофигизма! Мы въезжали в Чили два раза и наши рюкзаки всегда внимательно досматривали. На всех углах продаются листья коки и бальзамы с марихуаной, но если тебя с этим добром заметут на границе, то будут большие неприятности.

Ночевка в соляном отеле.

Велопробег в Атакаме.

Путешествие в пустыню Атакама закончилось на высокой позитивной ноте, и Сережины замечательные фотографии предзакатных гор будут напоминать нам об этом.

Эпилог

Марк Твен сказал: «Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре – что мало любили и мало путешествовали».

Поверим ему, Марк Твен был мудрым человеком и обладал прекрасным чувством юмора.

Михайлова Т.Ю. Путешествие в Южную Америку (11 февраля – 12 апреля 2018 г.).
Новосибирск, 2019.

Другие материалы по этому путешествию:

Гилев С.Д. На другой стороне Земли: Южная Америка (Аргентина, Чили, Боливия, 11 февраля – 12 апреля 2018 г.). Отчет о путешествии. Новосибирск, 2019 г.